

РЕЦЕНЗИИ

Словарь современного русского литературного языка. — М. — Л., Изд-во АН СССР. (Ил-т языкознания АН СССР): Т. V. И — К. 1956. VII стр., 1918 стб.; Т. VI. Л — М. 1957. VII стр., 1460 стб.

Пятнадцатитомный академический словарь, являясь толково-историческим и нормативным (см. предисловие к I тому словаря), должен отличаться от толковых словарей типа словаря под ред. Д. Н. Ушакова объемом словника, исчерпывающей полнотой фразеологии, богатством иллюстративного материала, а главное — общим историческим подходом ко всем представленным в словаре фактам. Академический словарь должен отразить лексику русского литературного языка XIX и первой половины XX в. в ее развитии.

В отношении с л о в н и к а V и VI тома богаче словаря под ред. Ушакова. Они более широко представляют лексику устарелую, встречающуюся в произведениях писателей начала и первой половины XIX в., содержат много новых слов, вошедших в русский литературный язык после выхода в свет словаря под ред. Ушакова, дают большое количество специальной лексики. К сожалению, приходится отметить, что значительную часть слов (на букву *и*), введенных в V том, составляют отглагольные существительные с суффиксом *-ние*, образованные от глаголов с приставкой *из-*. Большая часть этих слов малоупотребительна или даже совсем неупотребительна и существует в языке потенциально. Подобные слова приводятся в словаре без цитат, их наличие в языке подкрепляется «речениями» составителей, например: *изъязывание клубка шерсти, измусоливание страниц книги, измусоливание папироски, изграфление бумаги, изрывание земли кротами, исклевывание ценки наседкой, исколачивание стены гвоздями* и т. п. Такие тяжеловесные речения и слова, к которым они даны, лишь увеличивают без надобности объем словаря, отнимая место у слов более необходимых.

Пятнадцатитомный словарь русского языка имеет не только большое научное значение, он служит и практическим целям как с л о в а р ь - с п р а в о ч н и к. Чтобы удовлетворять этому назначению, он должен включать малоупотребительные и малопонятные читателю слова и выражения, встречающиеся в художественной и специальной литературе. Однако словарь не всегда удовлетворяет этим требованиям. Так, в V томе отсутствуют некоторые устойчивые выражения (например, *с кандибобером*), термины (например, *идиом, иога*), областные слова, встречающиеся в художественной литературе (*изголовок, измолот*). Глагол *иззудиться* толкуется: «то же, что исчесаться», а последний в словаре отсутствует.

Следует отметить как одну из положительных сторон V и VI томов богатство представленной в них фразеологии (в особенности новой) и широкий показ типичных сочетаний, в которых употребляется слово. Впрочем само по себе размещение фразеологизмов в словарной статье и подбор сочетаний не всегда является удачным [неясно, например, для чего даются такие сочетания, как *излагать теорию, философию* и т. п., *избегать разговоров, расспросов, избегать взгляда, взора; куда мне (нам) идти, писать, сочинять* и т. п. В последнем примере перечень глаголов явно излишен, так как в этой конструкции возможен любой глагол, важно было указать на наличие в ней формы инфинитива].

Основным достоинством словарных статей V и VI томов (по сравнению со словарем под ред. Ушакова) следует признать большое количество иллюстраций, в общем хорошо подобранных, способствующих более углубленному раскрытию значения слова. При словах редко употребляемых иллюстрации играют решающую роль, так как для раскрытия значения слова часто бывает недостаточно только определения. В этом отношении академический словарь в большей степени удовлетворяет запросам и лингвистов-специалистов и широких кругов читателей, чем словарь под ред. Д. Н. Ушакова. Тем более, досадны случаи отсутствия иллюстраций там, где они необходимы для уяснения значения слова (см., например, *либерал* в 4-м значении, *либерализм* в 3-м значении, слово *конъектура* в 1-м значении). Еще более странно выглядит отсутствие иллюстраций в следующем случае: «Лучше не... Простореч. *Пусть не... а не то»*.

Если подбор иллюстраций в V и VI томах большей частью помогает уяснению значения слова, то он не выполняет другой, не менее важной функции — установления исторических рамок и сферы употребления слова. К слову *комиссия* в 4-м значении (перен. «хлопоты, затруднения») даны иллюстрации из произведений Грибоедова, Гоголя и Чехова. Употребляется ли это слово в указанном значении в XX в.? Если

употребляется, то где? Является ли оно нейтральным или имеет какую-нибудь экспрессивную окраску? На все эти вопросы словарь не дает ответа. Те же вопросы возникают и по отношению к словам *куплет* в значении «стихотворение, состоящее из четверостишия с перекрестной рифмой (обычно на злободневную тему)», *кликлуша* в переносном значении «о журналистах, допускающих грубо-крикливые и демагогические выпады», *куда* в значении усилительной частицы, *кое-как* в значении «каким бы то ни было образом», *лететь* в значении «мысленно устремляться, уноситься куда, к кому-либо; рваться, стремиться», *лечь* (отенок «умереть, погибнуть в бою, пасть») и др. Ссылки на фиксацию слов в словарях также не уясняют истории употребления слов в языке.

В некоторых случаях расположение иллюстративного материала даже затемняет историю развития значений в слове. Например, при слове *космополитизм* сначала дается цитата из Эренбурга, затем из Тургенева. Вместе с тем совершенно ясно, что смысл этого слова в устах Рудина не тождествен тому значению, которое имеется в виду в первой цитате и в определении (не столько отражающем значение слова, сколько характеризующем сущность явления и дающем его оценку).

Составители словаря отказались заранее от задачи отражать историческую перспективу при раскрытии системы значений слова (см. соответствующую оговорку в «Предисловии» к V тому, стр. V). Правда, все же в некоторых случаях порядок расположения значений слова в статье способствует раскрытию исторической перспективы, однако эти случаи немногочисленны. Нам кажется, что отказ от этой важнейшей задачи, стоящей перед академическим словарем, снижает ценность этого издания.

Пятнадцатитомный словарь в соответствии со своими задачами должен давать нормативные рекомендации, помогающие читателю в выборе для употребления и в оценке разных слов и форм слова, например различающихся по ударению, способу образования. Следует отметить тот факт, что в V томе обычно не разграничиваются и не оцениваются слова, различающиеся словообразовательно, образованные с разными суффиксами (типа *иллюминовать*, *иллюминировать*; *изюбровый*, *изюбрий*, *изюбревый*; *индюшечий*, *индюшиный*). Какие из этих слов должны употребляться по нормам литературного языка? Каковы различия между ними? (Ср. толкование имен прилагательных *кирпичатый* и *кирпичный*. Последнее снабжено пометой «обл.»). Что же касается VI тома, то в нем чаще всего подобные случаи разграничиваются (*месткомовский* и разг. *месткомский*, *миролюбивый* и устар. *миролюбный* и мн. др.). Ср., однако, *мореход* и включенное в словарь без всяких помет, но, по-видимому, устарелое *мореходец* («то же, что мореход»).

Противоречат справочному назначению словаря также случаи, когда в качестве иллюстраций даются примеры употребления, не соответствующего нормам литературного языка. Особенно странно это выглядит, когда примеры противоречат нормам, указанным в этом же томе. Так, при слове *кофе* указывается — м. р., а далее, без всякой оценки или объяснения, среди прочих, дается пример употребления этого слова в среднем роде. Не помогает читателю в этом случае и справочный отдел, где сказано: «— В ином роде: *кофе* ср. (пример см. выше)» и даются ссылки на словари, в которых, однако, нет даже простого указания на род: «Лекс. 1762: кофе, Нордстет, Слов. 1780: кофе». В VI томе чаще, хотя и не всегда, такие случаи учитываются (например: *лагерь*, *лагери*, *-ей* и (разг.) *лагеря*, *-ей*).

Нормативному характеру словаря, призванного выполнять роль справочника, не соответствуют многие речения и сами принципы их образования, принятые составителями. Нам кажется, что речениями не должны снабжаться малоупотребительные слова, образованные по продуктивным словообразовательным моделям, например отглагольные существительные с суффиксом *-ние*, глаголы на *-ся*, наречия на *-ски*, понятные и без речений. Вызывают возражение речения, представляющие собой малоупотребительные и не свойственные живой речи синтаксические конструкции: конструкции со страдательными глаголами с аффиксом *-ся* и творительным субъекта или орудия действия и конструкции с отглагольными существительными. Высказанное замечание касается только V тома, что во многом объясняется характером его словника.

Серьезным недостатком, бросающимся в глаза при чтении V тома словаря, следует признать, с одной стороны, ограниченное количество стилистических помет, характеризующих сферу употребления слова и его экспрессивную окраску (ср. развернутую систему стилистических помет в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова), с другой стороны — отсутствие в необходимых случаях даже тех помет, которые приняты в этом издании.

Значительное количество слов V тома лишено необходимых стилистических помет; это относится преимущественно к словам, для которых требуется двойная или тройная помета (а именно: к употребляемым в разговорной речи и обладающим дополнительными экспрессивными оттенками, или к книжным словам с дополнительными экспрессивными оттенками), или же к книжным и вместе с тем несколько устарелым и т. д.), а также к некоторым новым образованиям разговорного или просторечного ха-

рактера. Например, *изготовка* («То же, что изготовление. *Изготовка консервов. Изготовка к стрельбе*»); *контрамарочка* (с речением *попросил контрамарочку в театр*); разговорное употребление в значении существительного *инструментальный* вместо *инструментальный цех; который-либо; который-нибудь; который-то; когорта; корреспондирование; ивет* (ср. *иветчик* — устар.); *изворот*; *иноземный; колорит* (в значении «цвет»); *кортеж; клевет; коснуться до кого, чего-либо, коснуться до слуха, уха; клише* (в значении «избитое выражение»); *контровера; коляда, колядка, колядовать* и др.

В особенности странным представляется отсутствие стилистических помет при словах, сфера употребления которых остается загадочной, так как они лишены в словарной статье иллюстраций. Например: «*Комбинё, нескл.*, ср. То же, что *комбинация* (в 4-м знач.)» (женское белье). Часто отсутствуют пометы при фразеологии: *хоть глаз коли; колоть глаза кому-либо, чем-либо; с три короба* (наговорить и т. д.); *на какой конец, на тот, на этот конец, комар носа не подточит, комар не зашибет* и т. д. Наблюдается тенденция оставлять без помет сочетания, в состав которых входит слово, уже снабженное стилистической пометой, которая тем самым распространяется и на соответствующие фразеологизмы. Однако эта практика не всегда себя оправдывает, так как стилистическая окраска сочетаний с каким-нибудь словом может отличаться от стилистической окраски самого слова.

Принятая в V томе установка на осторожное пользование стилистическими пометами не избавила составителей не только от субъективных и спорных стилистических характеристик, но и от прямых ошибок. Например, обращает на себя внимание квалификация многих слов и выражений, принадлежащих непринужденной разговорной речи (нередко с фамильярной окраской) и обладающих дополнительными экспрессивно-оценочными оттенками (шутл., неодобр. и под.), как просторечных (*коллаж* в значении «простак, недогадливый человек»; *кутерьма; кутила; крохотный; крохотка; коновод* в значении «заправила»; *хватить через край; кураж; книжища; комматенка; стоять колом в горле; перемыкать косточки; кот наплакал* и др.). Помета «простореч.» иногда теряет характер стилистической пометы — принимается во внимание характер самого явления, названного данным словом (*комбинация из трех пальцев*), принадлежность соответствующего предмета или понятия к области деревенского быта (*козелки, избойна, слова типа кузачничать* и под.). Многие пометы оказываются не на месте. Неясно, например, почему слова *кручиниться, кривошей, комедиант* (в устаревшем значении «фокусник, цирковой артист») относятся к просторечным, почему слова *куды, кобыла* (спортивный снаряд) относятся к устарелым, почему *уничтожение* характеризуется как «ирон.» (иллюстрация не подтверждает этой характеристики).

Следует отметить неудобство употребляемой в словаре общей пометы «спец.», которая приняла двусмысленный характер: она применяется к словам, относящимся действительно к узкой специальной области науки или производства, и к словам вообще научным, книжным (типа *коррелят, коррелятивность, коррелятивный* и под.).

Профессиональная специальная лексика не всегда отмечается соответствующей пометой (см. *клептомания, кликун* в 3-м значении, *годиное кольцо* и др.). В использовании пометы «спец.» не наблюдается строго выдержанной системы (например, неясно, почему *косвенные удобрения* — спец., а *косвенная речь, косвенные падежи* и под. — не спец.; аналогичные вопросы можно продолжить).

С точки зрения стилистической характеристики слов и фразеологических оборотов VI том словаря выгодно отличается от V тома. Слова VI тома гораздо реже, чем в V томе, остаются в необходимых случаях без стилистических помет. Широко используются двойные пометы, даются пометы при фразеологии, отличающейся по своей экспрессивно-стилистической окраске от входящего в ее состав слова, при оттенках значения, в которых слово обладает иной стилистической окраской, чем в соответствующем значении. Чаще, чем в V томе, применяется удачный способ стилистической характеристики слова в самом определении (например, *лапотник* — 2-е значение, *легкокрылый, лакать* — 2-е значение, оттенок к *лакейский*, оттенки к *лавочник, лавочница* и др.). Несмотря на меньшую осторожность в использовании стилистических помет, в VI томе количества случаев, где стилистическая квалификация слова вызывает сомнение, невелико по сравнению с V томом. Однако такие случаи имеются (например, *любезный* во 2-м значении — «приятный, милый кому; любимый» характеризуется как «устар.» и «простореч.» — вторая помета вызывает сомнение; *любый* в значении «милый, любимый» снабжено пометами «простореч.» и «народно-поэт.», при этом дана одна цитата из Гоголя, где *любый* — украинизм; *ливрея* во 2-м значении — «богато расшитое золотом и серебром платье придворного» снабжено пометой «устар.», что относится не к самому слову, а к обозначаемому им предмету; не вполне ясно, почему считаются просторечными фразеологизмы *пустить себе пулю в лоб, не всякое лыко в строку*; при слове *лажа* дана помета «устар.», между тем пример из Гладкова свидетельствует скорее об употреблении этого слова в просторечии; отсутствуют стилистические пометы при словах и сочетаниях: *лиць* в 4-м значении, *малодушество, маловезжий, малокалиберный, мелкосопочник, мелкозубка, мормышка, морось, моросливый, мазница* и др.).

Следует отметить, что разные участки VI тома неодинаковы в отношении стилистической характеристики слов и выражений. Более удовлетворительно дается стилистическая характеристика слов на букву Л (в особенности в первой ее половине).

Специфику V—VI томов составляет обилие терминологической лексики (в значительной части иноязычной). В определениях терминов, представляющих известную трудность, составителям V и VI томов в основном удалось избежать как излишне кратких толкований, указывающих лишь приблизительно на область, к которой относится данный термин, так и толкований энциклопедического характера. В VI томе богато и полно представлена новейшая терминология точных наук, даются научные и вместе с тем общедоступные толкования терминов. Особо следует отметить неудовлетворительное толкование серии слов, называющих различные направления в искусстве и науке, — *имажинизм, импрессионизм, кубизм, конструктивизм, модернизм, морганизм*. В определении не столько раскрывается основной признак каждого из этих понятий, сколько дается общая оценка направления и такого рода характеристики, которые не представляют специфику именно данного направления.

Недостатком V и VI томов является отсутствие единого принципа в указании на источник иноязычного слова. Остается неясным, какую цель в этом отношении преследует справочный отдел: должен ли он давать справки об этимологии и истории соответствующего иностранного слова или указывать на непосредственный источник, откуда слово проникло в русский язык. Разные слова снабжаются справками разного характера. Во многих случаях даются справки о происхождении, истории или словообразовательных связях даного слова, но не дается его перевод (например, при слове *кольё*: «франц. *collier* от лат. *collum* — шея»). В V томе не все иностранные слова, вошедшие в русский язык, имеют в словарной статье указание на иностранный источник (*конъюгация, корректный* и др.). При наличии таких указаний одни иностранные слова снабжаются переводами, при других переводы отсутствуют (в тех случаях, когда переводы возможны и желательны, — например, при словах *кунсткамера, комми, комбинезон, коллегium, когорта* и др.).

Некоторые вопросы нашли в V и VI томах словаря менее удовлетворительное разрешение, чем в предшествующей лексикографической практике, в частности в словаре под ред. Д. Н. Ушакова. Так, одним из недостатков рецензируемого словаря, особенно ярко проявляющимся в V томе в связи с характером его словника, является грамматическая характеристика глаголов. Основная пометка, которой в словаре характеризуются способы сочетаемости глаголов с другими словами, — «перех.» и «неперех.». Однако этих помет явно недостаточно, и составители выделяют некоторые типичные для данного глагола конструкции (например: *изолировать от чего; кокетничать с кем-либо, чем-либо*). Но делают они это непоследовательно и недостаточно. В ряде случаев показ глагольного управления усложнен и запутан (см. *2 клепать*). Во многих случаях формы глагольного управления остаются неизвестными читателю («*избивать, перех.*» — не показано, что возможно *избивать что, чего и от чего*).

В результате невнимания к глагольному управлению часто не разграничиваются значения, связанные с разным управлением (см. *кончить, клонить* и др.). Более удачный принцип характеристики глагольного управления выбран в словаре под ред. Ушакова, о чем справедливо пишет Н. З. Котелова<sup>1</sup>. Можно вполне согласиться с общим выводом Н. З. Котеловой: «Непоследовательный, не регулярный и не унифицированный характер синтаксических указаний в словаре АН приводит к тому, что случаи синтаксического выражения полисемии слова оказываются отмеченными в этом словаре чрезвычайно редко, и это безусловно снижает качество словарной статьи»<sup>2</sup>.

Специфику V тома составляет большое число глаголов с приставкой *из-*. Составители выбрали удачные формулировки для определения различных значений этих глаголов. Лишь в некоторых случаях можно отметить пропуск одного из типичных для них значений. Так, у глагола *изоткать* пропущено значение «украсить посредством тканья, заткать сплошь», у глагола *изрисовать* — «рисую, истратить, израсходовать. Изрисовать карандаш», *изволочиться* — «истощить силы от неумеренного волокитства», *изболтаться* — «много говоря, стать бессодержательным», *изсертиться* — «стать легкомысленным, распущенным». Наименее удачно, к сожалению, сделано толкование самой приставки *из-* как особой словообразовательной морфемы. Это тем более обидно, что правильное и четкое выделение и толкование основных ее значений помогло бы нерусским читателям словаря образовывать и понимать соответствующие глаголы. Первым значением приставки дано не прямое пространственное значение, а значение «исчерпанности, предельной полноты действия». Под этой общей формулировкой объединено несколько разрядов глаголов с совершенно различ-

<sup>1</sup> Н. З. Котелова, Указания на синтаксические связи слов в толковом словаре как средство разграничения смысловых различий, «Лексикографический сборник», вып. I, М., 1957.

<sup>2</sup> Там же, стр. 120.

ными значениями (интересно, что в предисловии к V тому они все разграничены), причем один из них отличается и способом образования (образуется одновременным присоединением приставки и аффикса *-ся*: например, *извороваться*, *измощенничаться*), что никак не отмечено. Если даже стать на ту точку зрения, что значение приставки у всех этих глаголов одно и оно только видоизменяется в сочетании с различными глагольными основами, следовало бы все же выделить как особый конструктивный тип глаголы, образуемые при помощи приставки и аффикса *-ся*, тем более что они обозначают не предельную полноту, исчерпанность действия, а приобретение или утрату каких-нибудь качеств в результате действия, привыкание к действию (*исписаться*, *изборюкратиться*). Кроме того, при такой точке зрения на значения глагольной приставки следовало отметить одно общее пространственное значение приставки *из-* («направление движения изнутри и откуда-нибудь», а не разделять его на два: «направленности движения изнутри» и «исключения, извлечения, изъятия части какого-либо целого»), так как значение приставки здесь одно и оно лишь видоизменяется в сочетании с разными глаголами. Очень неудачно также то, что для иллюстрации значений приставки *из-* даются глаголы, подвергшиеся процессу опрощения, глаголы со связанными основами, при которых нет соответствующих бесприставочных образований, или лишенные семантической соотносительности с бесприставочными глаголами, в которых значение приставки не выступает отчетливо, например: *извергать*, *излучать*, *исключать*, *изойти*.

Неудачным моментом в грамматической характеристике глаголов представляется помещение несовершенного вида в качестве основной формы, поскольку в большинстве случаев формы несовершенного вида русских глаголов производные, а формы совершенного вида непрозводные (ср. словарь под ред. Ушакова, где в качестве основных даны формы совершенного вида глаголов). Для V тома словаря принятое размещение представляется особенно неудачным, так как здесь значительную часть словника составляют глаголы с приставкой *из-* со значением полноты, исчерпанности действия. Эти глаголы употребляются преимущественно (а некоторые и исключительно) в форме совершенного вида. Формы несовершенного вида некоторых глаголов с приставкой *из-* существуют в языке лишь потенциально (например, *извязывать*, *изжаривать*, *изъяливать*, *изгаживать* и под.), поэтому указанное размещение подобных глаголов является совершенно неоправданным и искажающим представление о языке; к тому же и большая часть иллюстраций содержит формы только совершенного вида. Интересно, что в «Предисловии», при характеристике словообразия тома, указываются формы совершенного вида глаголов с приставкой *из-* (*измучить*, *изгрызть*, *изранить*, *исписать*, *измылить* и мн. др.), что противоречит основному тексту самого словаря.

Создание точных, полных и ясных определений и значений слов — одна из важнейших и труднейших задач словаря. В ходе лексикографической практики вырабатываются определения, которые очень удачно, ясно и кратко выражают значения слов (это относится прежде всего к словам, имеющим устойчивое значение, чаще к словам однозначным, к словам терминологического характера, к словам, обозначающим какое-нибудь явление прошлого и под.). Нет оснований изменять определения такого рода, представляющие собой накопленный практикой лексикографический опыт, они должны переходить из словаря в словарь. Много подобных определений содержится в словаре под ред. Д. Н. Ушакова. В V томе редко встречаются определения, совпадающие с определениями словаря под ред. Д. Н. Ушакова, но много определений близких, слегка перефразирующих определения этого словаря. К сожалению, в некоторых случаях такие изменения представляют значение слова искаженно или затемненно. См. неправильные определения слов *интеллектуальный* [«Сверхчувственный, умопостижимый, непознаваемый». «Непознаваемый» (!) не входит в значение этого слова, по-видимому, оно проникло в определение в результате неправильного толкования следующей за ним цитаты из «Материализма и эмпириокритицизма», где «вещь в себе» Кагга характеризуется как «непознаваемая», «интеллектуальная» и «потусторонняя»], *кредо*, *когнить*, *кончить дурно*, *известность* в 3-м значении, определения, не вполне соответствующие подлинному значению, в словах *коллизия*, *интересный* во 2-м значении; слишком широкие определения в словах *исходный*, *косить* во 2-м значении; *крошить* в 3-м значении; недостаточные, не вскрывающие полностью значение определения слов *коррелят*, *кликка*, *кокаин*, *кофеин*, *изъездить* во 2-м значении и множество других. Характерно усложнение определений, делающее их непонятными для читателя (в словах и выражениях *в кавычках*, *круг в доказательстве*, *кленсидра*, *клизе* и др.).

Неправильные и неточные определения слов нередко встречаются и в VI томе. См., например, *лиризм* в 1-м значении («Элементы эмоциональности, взволнованности, задумчивости в произведениях искусства»); *литературица* («Отсутствие художественного реализма, сопровождающееся вычурностью стиля, отсутствием простоты в изложении, в языке»); слово *лебедь* ж. р. помещено в виде оттенка к *лебедь* м. р. с определением «самка этой птицы» (!); *лечить* («Применять медицинские средства для избав-

ления кого-либо от болезни); *лстить себя надеждой* («Утешать себя надеждой; надеяться» — первая часть определения не входит в значение данного выражения); *лсы почить* («Болтать пустяки; заниматься пустыми разговорами») и др. Вряд ли уместны в словаре определения, написанные излишне эмоциональным, напыщенным слогом, типа: *лбуть* 2. Чувствовать горячую сердечную склонность, влечение к лицу другого пола». Ср. также *лбовь* во 2-м значении. Неудачны в стилистическом отношении определения слова *малоприспособленный*, выражения *к лешему* и некоторые другие!

Следует констатировать, что в V и VI томах, при наличии более широкой иллюстративной базы, чем в словаре под ред. Д. Н. Ушакова, значения слов разграничены менее четко, чем в последнем (можно предположить, что косвенной причиной этого послужило именно богатство иллюстративного материала, демонстрирующего многочисленные переходные случаи, разную степень близости друг к другу различных значений). См. объединение различных значений в 1-м значении слова *культура*, в слове *кровь*, во 2-м значении слова *красивый*, в 1-м значении слова *конец*, в 1-м значении слова *клуб*, в словах *клянопись*, *кляр* и др. Наблюдается тенденция помещать вместе разные значения слов, давая одно из них в качестве оттенка к другому. См. *кое-как*, где объединены «каким бы то ни было образом», «так или иначе» и «плохо, небрежно»; *ковать* (об ударах молота и о звуках, издаваемых кузнечиком). В особенности часто дается в виде оттенка (с пометой «перен.») переносное значение слова (*кляше* — в значении «избитое выражение», *коситься* — в значении «относиться недоброжелательно, с подозрением, враждебно», *косолапый* — в значении «неуклюжий»). Представляется спорным помещение переносных значений слов *кукла*, *кобыла*, *корова*, *кобель*, *кочерга* и под. (в применении к людям) в качестве оттенков<sup>1</sup>. Отсутствие необходимой дифференциации значений часто приводит к немотивированному объединению значений (например, почему слово *кума* «<> Народно-поэт. Эпитет лисы в русских народных сказках» отнесено к значению «Устар. простореч. Немолодая женщина, находящаяся с кем-либо в приятельских отношениях, а также во внебрачной связи?»).

В VI томе отмеченная тенденция в меньшей степени дает себя чувствовать. Однако и здесь наблюдаются случаи объединения разных значений. Например, *леший* как сказочное существо и как бранное обращение; *любезность* как свойство любезного человека и во мн. числе — любезные слова, комплименты; *лбовь* (во 2-м значении) как чувство и переносно — о человеке; *лечь* — принять лежащее положение и — «Перен. Умереть, погибнуть в бою; пасть».

В словаре имеются случаи выделения несуществующих значений и оттенков слов (например, у слова *любвный* создано 3-е значение «любящий; влюбленный», которое иллюстрируется примером, относящимся ко 2-му значению, а оттенок к этому значению («свойственный влюбленным») — примерами, относящимися к 1-му значению. В слове *латьнь* дан оттенок «О чем-либо сложном, неизвестном».

Некоторые ошибки словаря объясняются тем, что составители кладут в основу толкования значений слов и выделения фразеологии факты индивидуального единичного употребления. Так, при слове *лздыхание* выделяется в качестве фразеологии за знаком <> *до лздыхания* и *при лследнем лздыхании*. Однако устойчивое сочетание *до лздыхания* в русском языке нет. Характерно, что оно иллюстрируется в V томе текстом из Пушкина, где фигурирует устойчивое сочетание *до лследнего лздыхания*. Другой пример — из Чехова, — иллюстрирующий это выражение, содержит слова *до лздыхания* совсем в другом значении.

Отмеченные недостатки V и VI томов, не являясь недостатками частного характера, все же не препятствуют общей положительной оценке этих томов. V и VI тома вводят большое количество новых фактов, впервые нашедших отражение в словаре, предназначенном для широких кругов читателей, что составляет несомненную заслугу составителей. Нельзя не отметить огромную работу, проделанную составителями и редакторами V и VI томов. С особым удовлетворением следует констатировать, что по богатству словника, по качеству лексикографической разработки словарных статей эти тома превосходят IV том. Тем более досадными являются те их недочеты, которые происходят не столько от неразработанности ряда теоретических вопросов лексикографии и отсутствия исследований конкретных фактов в области русской лексикологии, сколько от неудачных позиций, принятых при составлении словаря (невнимание к фактам истории развития значений и употребления слов там, где эти факты могут быть учтены, сужение системы стилистических помет, невнимание к грамматическим вопросам и др.). Некоторые из указанных недостатков в большей мере относятся к V тому, что отчасти объясняется большим объемом этого тома и специфическими трудностями словника.

Е. А. Земская и И. И. Ковтунова

<sup>1</sup> В VI томе в некоторых словах данного типа прямые и переносные значения разграничиваются. См., например, *лис*, *лса*, *лснца* и *лмедведь*.